

Б Е С Т С Е Л Л Е Р А М А Z О N

ТИМ БРЕЙДИ

НЕВИННЫЕ УБИЙЦЫ

КАК ТРИ ОБЫЧНЫЕ ДЕВУШКИ
СТАЛИ КОШМАРОМ ДЛЯ НАЦИСТОВ
И ГЕРОЯМИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

МОСКВА 2024

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Tim Brady
THREE ORDINARY GIRLS
The Remarkable Story of Three Dutch Teenagers Who Became
Spies, Saboteurs, Nazi Assassins — and WWII Heroes

Copyright © 2021 Tim Brady

Брейди, Тим.

Б87 Невинные убийцы. Как три обычные девушки стали кошмаром для нацистов и героями Второй мировой / Тим Брейди ; [перевод с английского И. Д. Гольбиной]. — Москва: Эксмо, 2024. — 288 с. — (Сильнее смерти. Невероятные истории силы духа).

ISBN 978-5-04-177992-4

10 мая 1940 года. Нидерланды кишат войсками Третьего рейха. Через неделю страна будет полностью оккупирована нацистской Германией.

К небольшой ячейке антифашистского Сопротивления в голландском городе Харлем присоединяются три девочки-подростка: Ханни Шафт, а также сестры Трюс и Фредди Оверстейген, вскоре объединившиеся в уникальный женский подпольный отряд.

Отважные и изобретательные, девочки выполняют опаснейшие задания: укрывают евреев, диссидентов и голландских участников сопротивления, устраивают диверсии на мостах и железных дорогах, помогают вывезти детей из концлагерей. Они тайно перевозят оружие, поджигают военные объекты и совершают нападения на немецких солдат — с мужеством партизан и хитростью опытных шпионов, рискуя жизнью, которую война обесценила. Но цена окажется значительно выше...

Трагическая и эмоциональная, книга Тима Брейди рассказывает о необычайном героизме обычных людей во время войны и холокоста.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-177992-4

© Гольбина И. Д., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается Съюзан,
Ти ато*

Глава 1

Спустя годы после Великой депрессии Трюс Овер-Стеген вспоминала нищету и бедствия тех времен, разворачивавшиеся под ее окнами в Харлеме. Вспоминала, как стояла с матерью и соседками в длинных очередях за пайком, который раздавало государство. Еще длинней очереди были перед воротами фабрики Хуговенса, производителя оборудования для сталелитейной промышленности, где рабочим приходилось ждать и гадать, кого из них возьмут или не возьмут на смену в тот день¹.

Ее родители точно знали, кого винить в мировых бедах: капиталистов, — о чем они постоянно напоминали ей. Хозяев фабрик, которые наживаются на непосильном труде рабочих.

Трюс вспоминала, как она, пятилетняя, брала отца за руку, и они вместе ходили на демонстрации и марши протеста. Вспоминала грохот барабанов и красные флаги, развевающиеся на ветру. Вспоминала,

¹ Трюс Менгер, *Не тогда, не сейчас, никогда*, 1982. В оригинале: *Toen niet, nu niet, nooit*. Nederland Tolerant: Max Drukker Stichting, p. 11.

каково было идти в чаше чужих ног, среди громких голосов.

Однажды они с отцом, Якобом Оверстегеном, шли с демонстрантами по Харлему и вдруг натолкнулись на демонстрацию противников. Те были злые и стали кричать на группу, в которой находились Трюс и ее отец. «Перевешать социалистов! — орали они. — Всех повесить на фонарных столбах!»

Дальше прибыла конная полиция, и внезапно Трюс вырвали из толпы. Она оказалась на лошади, перед полицейским офицером. Пока тот увозил ее, отец Трюс пропал из виду, поглощенный морем демонстрантов из разных группировок. Собственно, он частенько исчезал и ранее, пока они жили в доме-барже на канале, как многие семьи в Голландии.

В полицейском участке ей налили миску каши, но Трюс была слишком расстроена, чтобы есть. Наконец прибежала ее мать, Тринтье ван дер Молен, и Трюс немного повеселела. Пока они с матерью шли домой, она все время поглядывала на фонарные столбы, и голоса тех злых демонстрантов — «Перевешать их всех!» — звучали у нее в ушах. Она спросила мать: «Мы что, социалисты?» Тринтье ответила: «Да, мы социалисты», — и Трюс услышала в ее словах гордость¹.

Трюс Оверстеген родилась в 1923 году. Ее младшая сестра Фредди Нанда, или просто Фредди, как все ее называли, появилась на свет два года спустя. С ранних лет девочки были не разлей вода, тем более что отец довольно быстро покинул их дом-баржу. По большому счету, он и раньше мало помогал семье: был выпиво-

¹ *Toen niet, nu niet, nooit*, p. 12.

хой и любителем женщин, а вместо того чтобы зарабатывать деньги, тратил их¹.

Разрыв родителей и последующий развод не стали для девочек травмирующим событием. Фредди запомнила, как отец, уходя, спел семье на прощание французскую песенку, стоя на корме баржи. Еще много лет девочки периодически видели его на улицах Харлема.

Тринтье перевезла дочерей в квартиру, где они спали в общей комнатке на соломенных матрасах, которые она сшила сама. Несмотря на бедность, семья жила дружно, и любовь помогала им преодолевать трудности. Больше всего им нравилось вместе музицировать: Тринтье играла на мандолине, Фредди на укулеле и цитре, а Трюс на гитаре. Втроем они пели под собственный аккомпанемент.

Семья Оверстеген славилась участием в деятельности левых кругов Харлема. Один из дядей, Георг Оверстеген, анархист, в конце 1920-х даже получил место в Городском совете². Тринтье растили в левацком духе, и экономическая неопределенность периода Великой депрессии сделала ее еще более критически настроенной по отношению к капиталистам. Политическая, социальная и культурная жизнь Тринтье, Трюс и Фредди вращалась вокруг левого движения. Девочки были членами АЈС (Arbeiders Jeugd Central) — социалистической юношеской организации с упором на образование, физическую активность, народные танцы, музыку и походы. Вся деятельность органи-

¹ Интервью онлайн-журналу Vice, 11 мая 2016 года.

² Eveline Buchheim, *Under Fire: Women and World War II*; Ellis Jonker, *Freddi and Truus: Sisters in Arms*. В *Under Fire*. Amsterdam: Verloren Publishers, 2014, p. 143.

зации была пронизана социалистическими идеями и атмосферой.

Когда девочки были маленькими, Тринтье родила еще одного ребенка, Робби¹, и в квартире, где они жили, им стало совсем тесно. Однако прибавление в семействе не означало прибавления государственного пайка — и пособия на жилье, — от которых зависели мать с детьми. Пособие равнялось 13 гульденам и 75 центам в неделю, и на арендную плату уходила ровно его треть. Инспекторы из государственной организации под названием «Социальная помощь в действии» периодически приходили обыскивать буфет и шарить под матрасами, чтобы убедиться, что девочки Оверстеген, их мать и Робби не прячут там сокровища. На что только они надеялись!²

Они также должны были убедиться, что Тринтье не принимает дома мужчин за деньги. Она ни о чем подобном и не помышляла, *зато* проводила в квартире собрания левых — включая мужчин. Когда этот факт вскрылся, семью лишили пособия, и им пришлось побираться по родным и друзьям.

В отчаянии Тринтье вместе с девочками явилась в приемную социальной службы, где потребовала отменить решение и выдать ее семье карточки на продукты и деньги на аренду жилья. Она кричала, угрожа-

¹Трюс говорит о Робби как о сводном брате и ни разу не упоминает о его отце в своих мемуарах. Похоже, его личность так и осталась для сестер под вопросом — по крайней мере, в период войны. По данным сайта www.geni.com/boboversteegen, отцом Робби был Якоб Оверстеген.

² *Toen niet, nu niet, nooit*, p. 14.

ла, отказывалась уходить. В конце концов служащие вызвали полицию. Когда офицер схватил Тринтье, чтобы выволочь на улицу, Трюс набросилась на него и укусила, а Фредди пнула ногой в пах. Девочки умели за себя постоять!

К несчастью, из приемной они ушли без продуктовых карточек и денег. Следующие шесть недель семья питалась одной фасолью.

Когда Трюс исполнилось четырнадцать, она начала подрабатывать прислужкой в богатых семьях в Харлеме. Работа ей не нравилась: независимая натура мешала покорно исполнять приказания. Позднее она вспоминала, что «дети были маленькими тиранами», а «хозяева пытались ущипнуть меня за задницу».

Ей удалось устроиться на работу в дорогой пригород Харлема Блумендаль, «оплот богатства в Голландии», как называла его Трюс. Блумендаль находился неподалеку от песчаных дюн Южного Кеннемерланда, тянувшегося по северо-западному побережью Нидерландов. Ей предстояло жить на хозяйской вилле, и там все сразу пошло не так. В первую ночь, лежа в своей комнатке на чердаке, она не могла уснуть и думала про Фредди и Робби. Тринтье положила ей с собой мятных леденцов и жареного арахиса, чтобы облегчить дочке переезд, но от них Трюс только еще сильнее скучала по дому.

На следующее утро ее разбудила малосимпатичная немецкая служанка по имени Кэте, всучившая девочке миску жидкой овсянки. Трюс отказалась ее есть, и Кэте заявила: «Тогда останешься голодной», — после чего отправила новенькую мыть окна, стелить постели и пылесосить ковры.

В какой-то момент Трюс сбросила туфли, чтобы сесть отдохнуть и выпить чашку кофе. Когда она стала обуваться обратно, то поняла, что один из хозяйских детей подложил ей в туфлю канцелярскую кнопку. Миленькие детишки! Дальше Кэте приказала ей вынести ночной горшок, полный до краев испражнениями с предыдущей ночи. В этот момент на площадке лестницы ей попался хозяин дома — он остановил Трюс и оглядел плотоядным взглядом, после чего попытался облапать.

Трюс швырнула полный горшок вниз по лестнице на глазах у всей семьи, схватила свой чемодан и помчалась прочь к себе в Харлем. Мать сказала, что деньги, которые она могла заработать в качестве прислуги, очень бы имгодились, но, чтобы дать дочери понять, на чьей она стороне, тут же добавила: «Я поступила бы точно так же!»¹

Семья имела неплохое представление о политических событиях в Европе в 1930-х. Помимо собраний Тринтье и участия девочек в социалистических молодежных группах они делали кукол для детей беженцев из Испании, спасавшихся от гражданской войны. Они также прекрасно понимали, кто такие нацисты, и кто — их сторонники. В Нидерландах существовала партия NSB — *Nationaal Socialistische Beweging*, или Национальное социалистическое движение. Его возглавлял Антон Мюссерт, гражданский инженер, с лицом круглым, как луна, которого прогрессивные силы невзлюбили еще до начала его политической карьеры, когда он женился на сестре матери — своей собственной тетке.

¹ *Toen niet, nu niet, nooit*, pp. 13–15.

Хотя Мюссерт и его партия не имели значительного влияния на политическую жизнь Нидерландов в 1930-х, в правительстве имелись и другие фракции, готовые сотрудничать с нацистской Германией и заверявшие ее, что Голландия тяготеет скорее к правым, чем к левым. В кругах левых ходили слухи, что зять королевы Бернхард, немец по рождению, недавно женившийся на принцессе Юлиане, тайно связан с нацистами.

Трюс и Фредди рано узнали, что просто фыркать на Мюссерта недостаточно: Тринтье с ее коммунистическими убеждениями вовлекла и дочерей в политическую борьбу. Она не только держала их в курсе того, что происходит в Германии и других странах, но даже укрывала в доме беженцев-антифашистов, которые обращались за помощью в коммунистическую организацию «Ред Эйд». Еще в 1934 году Тринтье принимала у себя немцев, бежавших от гитлеровских репрессий. Поздно ночью раздавался стук в дверь — на пороге стоял сосед-голландец, знакомый девочкам по собраниям партии, а с ним несколько дрожащих незнакомцев, стремящихся добраться в Англию. Тринтье пускала их переночевать, а на следующий день сосед возвращался и сопровождал беженцев на очередном отрезке пути к свободе.

Девочки знали, что насчет этих «гостей» и подпольной деятельности матери надо держать язык за зубами. Еще до того, как немцы оккупировали страну, Трюс и Фредди поняли, что разговоры могут быть опасны. Они знали, что представляют собой нацисты

и на что они способны. Знали, что такое предательство¹.

Пока Гитлер и немецкие войска поигрывали мускулами в Европе в середине – конце 1930-х, – милитаризовали Рейн, устраивали аншлюс Австрии, аннексировали Судеты, отнимали Богемию и Моравию у Чехословакии, не собираясь останавливаться, – становилось все очевиднее, что Второй мировой войны не избежать. Но голландский народ, избежавший ужасов Первой мировой, просто оставшись нейтральным государством посреди кровавой бани, был убежден – точнее, пребывал в заблуждении, – что так же произойдет и в ходе следующего конфликта. Страна даже послужила местом ссылки кайзера Вильгельма II, который проводил свои последние дни в относительной безопасности – рубил деревья в поместье близ Дурна в Утрехте. Возможно, только этого и хотели жестокие немецкие тираны от Королевства Нидерланды: чтобы оно стало местом для размышлений и последнего упокоения старика.

Первого сентября 1939 года, спустя два дня после шестнадцатилетия Трюс, Германия вторглась в Польшу. Великобритания и Франция осознали тщетность своих попыток утихомирить Гитлера. В новостных репортажах, которые показывали в кинотеатре на Гроуте-Маркт в Харлеме, немцы вскидывали руки, приветствуя своего фюрера, а в газетах писали, как танки вермахта рвутся вперед по территории Польши, расстреливая незадачливую польскую кавалерию.

¹ *Toen niet, nu niet, nooit*, p. 13.

Голландское правительство объявило о мобилизации через несколько дней после немецкого блицкрига в Польше, но по-прежнему рассчитывало сохранить нейтралитет в грядущем конфликте, даже когда Британия и Франция вступили в войну. Несмотря на эти благие намерения, война немедленно начала оказывать жесткое экономическое воздействие на Нидерланды. Блокада Британией голландских портов положила конец торговле между Нидерландами и Германией. Это обесценило для Гитлера и Третьего рейха береговую линию страны, значительно уменьшив вероятность того, что Королевству Нидерланды удастся остаться нейтральным в грядущей войне, как случилось в Первую мировую.

Сказать, что голландская армия была не подготовлена к противостоянию германской военной машине, будет громадным преувеличением. Пока другие европейские страны наращивали военную мощь, чтобы не отставать от германского вермахта, в который вкачивались невиданные средства, Нидерланды в 1940 году не владели ни одним танком. Военные расходы, удвоенные в 1938-м, по-прежнему составляли всего четыре процента от национального бюджета — по сравнению с двадцатью пятью процентами в Германии¹. Единственным прибавлением в армии в период между двух войн стали два полка велосипедистов, один из которых включал военный оркестр: тот ездил на велосипедах со специальными рулями, которыми можно было управлять одновременно с игрой на музыкальных инструментах. Его девизом

¹ Википедия, «Нидерланды во Второй мировой войне».